

ШТРИХИ

К ТВОРЧЕСКОМУ

ПОРТРЕТУ

В ТРУППЕ — ОДИН АКТЕР

Профессор медицины, получивший приглашение на премьеру спектакля «Балаган», не поверил своим глазам: все двадцать ролей в спектакле играл его бывший пациент, которому три года назад было строго-настрого приказано оставить театр.

Случилось несчастье: на репетиции Виктор Харитонов серьезно повредил позвоночник. Долгие месяцы лечения не дали желаемого результата. Тогда, преодолевая боль, он попробовал «вышибать клин клином» — занялся акробатикой. И болезнь начала отступать. Едва встав на ноги, Виктор принялся готовить новый спектакль — «Балаган».

Он решил его в жанре народного ярмарочного представления, предоставив слово Скомороху и Пьеро, любимым героям русского и французского народного театра. В «Балагане» он танцует, жонглирует, водит кукол, совершает головокружительные прыжки, показывает фокусы. Но весь этот восхищающий зрителей арсенал актерского мастерства, как всегда у Харитонova, подчинен главному: в каждом спектакле он прежде всего — исследователь.

Виктор Харитонов представляет самый миниатюрный из ленинградских театров: в его труппе — всего один актер, он сам. Разницу между художественным чтением и моноспектаклем Виктор определяет так: в первом случае сидящий в зале восхищается совершенством произведения, во втором — он как бы присутствует при его создании. Актер, выходя на сцену ход творческой мысли автора, делает зрителя свидетелем своего эксперимента.

Но для того, чтобы этот эксперимент состоялся, необходим глубокий поиск. Театр одного актера на-

чинается с библиотeki. Здесь путем искусного монтажа самого разнообразного материала — стихов, писем, дневников, газетных статей, архивных документов и вяжется нить будущего моноспектакля. У актера-драматурга возникают новые замыслы, идеи поездок, встреч, приобщения к задуманному многих единомышленников (актер-то в театре — один, но готовить спектакль ему помогают десятки людей — режиссеры, художники, музыканты, балетмейстеры, искусствоведы). Нередко работа растягивается на целые годы. Временами кажется, что ей не будет конца, — такая лавина материала обрушивается на исследователя. Но давно замечено: чем труднее складывается спектакль, тем интересней он получается.

Так случилось, например, с моноспектаклем «Сергей Есенин», над которым Харитонов работал около трех лет. О том, насколько значительной оказалась эта литературно-драматическая композиция, свидетельствует хотя бы тот факт, что актер был приглашен выступить с ней на проходившей в Ленинграде научной сессии, посвященной творчеству Есенина. Эту работу ученые-литературоведы рассматривали в своих выступлениях как один из содокладов, сделанных средствами театра.

— В России актеры и в прошлом все «играли спектакль» в одиночку, — рассказывает Виктор. — Но играли это имело другие корни: актера волновала любимая его роль, которую он исполнял в театре, и ему хотелось продлить ей жизнь. Так родился «Гамлет» Ходотова, знаменитого трагедийного артиста, так появились и «Записки сумасшедшего» талантливого русско-

го актера Бурлюка, который не уживался ни в одном театре и играл один. Но все же основателем театра одного актера стал Яхонтов, поставивший перед актером более высокие задачи, нежели просто показ мастерства. Методом ассоциативного монтажа он сумел давно известное повернуть к зрителю новыми гранями.

Один из ближайших своих спектаклей Виктор хочет посвятить Владимиру Яхонтову и Дэнге Вертову — людям очень близким по духу, которые (первый в театре, а второй в кинематографе) шли одним путем.

Параллельно с этой работой копится материал о Тулуз-Лотреке. На очереди — спектакль о Сезанне и Золя.

— Как складывается замысел? — рассуждает артист. — Сам не знаю. Ну вот, вспомнить хотя бы первый моноспектакль — «На смерть поэта», о Петефи и Лермонтове. Петефи был моим любимым поэтом еще в школе, Лермонтова полюбил позднее. И вот, когда я вчитывался в произведения того и другого, вдруг пришло поразившее меня сравнение: оба не напрямую, но при одном царе погибли, оба ушли из жизни почти юношами, оба, идя в поэзии своим путем, во множестве стихов перекликались друг с другом... За этими биографическими фактами открылась мне удивительная перекличка судеб. Открылась эпоха. И замысел театральной постановки стал быстро вырисовываться. Главное — для каждой вещи отыскать такую вот ось.

Для Харитонova любой спектакль, даже сотню раз игнанный, — новый спектакль, и, готовясь к выходу на сцену, он всегда очень

волнуется, будто это премьера. Потому что и он сегодня уже не совсем тот, что вчера, и зритель в зале другой.

— Жанр театра одного актера, — говорит Виктор Харитонов, — требует отдачи полной. Каждый спектакль — последний спектакль. Бывают неудачи. Успех? Он не редкость. Но всего пять минут во время спектакля или после него длится счастье. А потом вновь приходит беспокойство: теперь ищи дальше. И никаких тебе пауз для отдыха. Возможно, эта постоянная неудовлетворенность собой и есть «скрытый двигатель» его творчества.

В детстве Виктор хотел стать натуралистом. В доме у него жила собака, пели птицы, во всех поездках неизменно его сопровождала черепаха Нефертити. Собирая материал для спектакля «Интеллигенты из Одессы» (о творческих судьбах Багрицкого, Бабеля и Саши Черного), он привез из Одессы щегла Щегу, синицу Синю и дубоноса Ялоба, которые хоть и не были посвящены в театральные тонкости, но играли в спектакле немалую роль. Актер отыскал этих птиц на том самом охотничьем рынке, где юный Багрицкий торговал голубями, а юный Бабель их покупал.

— Вот бы сделать целый спектакль о животных! — говорит Виктор. — Есть у меня знакомые юннаты — они с удовольствием принесут в театр из своего пионерского зоосада ежей, кроликов, хомяков, приведут медвежонка, лисицу. Зрителей и четвероногих артистов не будут разделять барьеры, и, будьте уверены, они отлично поладят под одной крышей. А на афише можно сделать приписку: «Приходите с конфетами и пряниками»...

Пятнадцать лет прошло с той поры, как на ленинградской сцене появилась первый моноспектакль Виктора Харитонova. Сейчас в репертуаре театра одного актера — шесть крупных работ, с некоторыми из них познакомились и зарубежные зрители.

О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС

211